

Гражданская война: пора ставить точку

В этом году увидит свет масштабный литературный проект "Гражданская война в России", давно замысленный главой издательского дома "Сибирский цирюльник" Никитой Михалковым и поддержанный "АиФ".

ЧИТАТЕЛЬ увидит уникальные, впервые публикуемые материалы, и это относится как к текстам, так и к изобразительному ряду. О последнем скажем следующее: некоторые коллекционеры разрешили напечатать в "Гражданской войне" фотографии и открытки, до сих пор никем, кроме них самих и их гостей, не виденные. Что же до текстов, то их сюжеты мы будем регулярно излагать на страницах "АиФ". Параллельно их освещение будет давать журнал Никиты Михалкова "Свой".

Барон, который говорит чистую правду

...У ОГРОМНОГО цельного окна на высоком ложе полусидит человек, которого, несмотря на явно преклонный возраст, не хочется называть стариком, ибо его синие глаза излучают бодрость, а в голосе нет никакого характерного для очень пожилых людей потрескивания. Это барон Эдуард Александрович фон Фальц-Фейн, второе лицо в Лихтенштейне после князя.

Но главным для нас было не то, что мы увидим титулованную особу. Сидя у изголовья барона, мы находились в метре от существующей только тут и нигде больше живой реальности, обнимающей то, что люди называли "мирным временем", "германской войной" и "эмиграцией". Барон был для нас уэллсовской машиной времени, способной перенести нас на десятилетия назад и превратить прошлое в настоящее. И это была единственная в мире машина, действие которой простиралось до периода, предшествовавшего Первой мировой войне.

Тайна эмигрантской души

БЛАГОДАРЯ его точным воспоминаниям мы оказывались то за месяц до начала германской войны в имении Фальц-Фейнов Аскания-Нова со знаменитым зоопарком и заповедником, и остановившийся здесь на ночь император Николай Второй подбрасывал двухлетнего Эдуарда к потолку, приговаривая: "Ну-ка расти скорее и становись мужчиной!" То переносились в петроградскую квартиру, где нашла последний приют в России обречённая на расстрел семья и из которой отцу Эдуарда удалось выпроводить делавших обыск красногвардейцев, напугав их тем, будто дети болеют корью, а она очень заразна. Из мозаики воскрешаемых бароном картинок былого постепенно стали вырисовываться два основных чувства, ясно увиденных нами в душе Эдуарда Александровича, оставшегося единственным живым представителем беженцев от красных.

Его самого вывезли, но в Аскании-Нова осталась его любимая бабушка. Она категорически отказалась уезжать из России, говоря: я ничего, кроме добра, народу не делала, и об этом все знают, так что большевики меня не тронут. Большевики зверски убили добрую бабушку. А в 1967 году их преемники нанесли тяжкую моральную травму и самому барону, когда уже после хрущёвской оттепели, в правление подписывавшего "всякие" Хельсинкские соглашения Брежнева, не пустили его в имение предков, боясь, что он увидит, в какой упадок пришёл при советской власти заповедник, и расскажет об этом на Западе. Вот вам первая составляющая мироощущения эмигрантов: страшная обида на большевиков, доходящая до ненависти к ним.

Уже после всех обид барон Фальц-Фейн узнал, что на аукционе в Париже продают гобелен, вывезенный в 1919 году из Ливадийского дворца. Он тут же купил его, не постояв за ценой, и передал советским представителям, чтобы они вернули его в Ливадию. В Россию он недавно передал и свой бесценный архив, включающий не только документы и письма, но и бездну уникальных фотографий. Теперь архив находится в Санкт-Петербурге. Это значит, что второй составляющей эмигрантской души осталось то могучее чувство, которое было в ней и до катастрофы, - любовь к России. Эмиграция постепенно научилась отделять Россию от её политического строя и от её оккупантов.

Глядя на них, и нам следовало бы этому научиться.